

А. С. АКОПЯН

Экономика и слово

Центральным посылом, лейтмотивом, парадигмой существующему положению вещей в материалах "круглого стола", хотя того его участники или нет, выступает тезис о том, что способность воспринять рыночные способы жизнеобеспечения общества и государства определяются не собственно типом той или иной культуры - протестантской, конфуцианской или православной, - а *словами* как набором знаков, соответствующих или не соответствующих "глубинным струнам" и устоям (архетипам). При этом предполагается включение давно подзабытых архетипов, доселе находившихся на периферии языка, как включение светофоров. Предполагается, что подчинение светофорам - гарантия безопасной и безаварийной езды. Однако на деле светофоры эти неуправляемы, сродни высшей силе.

Условие успеха государственного развития - необходимый уровень рецепции рынка, синхронизация чувств и интересов населения, направленных на достижение "общего блага", на снижение конфликтности межгрупповых интересов через общинные договоренности на уровне *схода* представителей горизонтально связанных сословных групп. Сход же этот призван урегулировать самые животрепещущие темы - "налоги платить, прибытками делиться, по мере сил благодворить". Предлагая заведомо отойти от принципа историзма, В. Найшуль и его коллеги уповают на привлечение конструкций с "периферии языка", обращаясь к "дримперской Руси" (надо думать допетровской). На этом поисковом направлении они в своих рассуждениях заходят достаточно далеко, что не может не вызвать естественного желания оспорить высказываемые за "круглым столом" положения.

При этом прежде всего бросается в глаза сам принцип использования языковых конструкций для возвращения к национальным микроархетипам, способным активизировать трудовую активность, недорогое и эффективное восстановление общественного порядка (?), развитие местного самоуправления и подъездной дружбы и т.д., и т.п. Все это в новой России должно, по мнению участников "круглого стола", отгеснить истощенные и имперской Россией, и СССР макроархетипы личной жертвы во имя "общей цели", которые социокультурно "держали" общество, строящееся прежде всего на вертикальных связях.

К отрефлексированным архетипическим понятиям, требующим возрождения, авторы относят *Звание* (должестование) и *Землю* (общество). Большинству технологических требований, кстати, вполне отвечают рамки современного русского уголовного языка. Например, вор в законе - *Звание*, столь же обязывающее соблюдать какие-то принципы, как и упоминающиеся в тексте "круглого стола" ученые и военные.

Три политические ипостаси русского народа, после соответствующего исследовательского поиска, выделены как архетипические, созвучные внутреннему националь-

ному строю: *Земля* (общество), *Народ* (толпа), *Люди* (группы). Кстати, оказывается, что собственно *Человеку, Личности* (по принятому за "круглым столом" лингвистическому ряду - смерду, холопу) в этой трехипостасной схеме места не находится. При этом импортные заимствования вдруг стали "обострять языковые противоречия", а "вестернизация языка" и "ернический жаргон" независимой прессы "размывает ценностную картину мира русского человека и создают почву для амбивалентных (двойственных) оценок". Задачу построения нового языка участники "круглого стола" видят в создании экономического, политического и иных букварей, призванных выявить архетипическое целое, что пронизывает всю русскую культуру. При этом оказывается, что царь, генеральный секретарь и президент - суть синонимы, лишь разные обозначения некоего социокультурного единства. Получается, что и неважно, кто и что за ними стоит или стояло, важно, чтобы термин, отражающий власть, был точным, "прозрачным для носителя языка". А вот заимствования, особенно не соответствующие "нашему политическому конструкту", культурно отторгаются. В числе таковых оказался и парламент как не соответствующий отечественным архетипам в противовес родному "собору". Не буду далее утомлять читателя примерами.

Главное, о чем думаешь, анализируя предлагаемые конструкции и стоящие за ними причинно-следственные связи, это то, что происходящее в политической, экономической, социальной и культурной жизни не просто отражается на нашем языке, но и вырастает в него, эволюционирует, "транслируя тончайшие культурные импульсы". Это среда и индикатор состояния культурного пространства. Русский язык чрезвычайно рецептивен и исключительно комплементарен к иноязычным словам: он поглотил и ассимилировал многочисленные англицизмы последних лет с тем же успехом как франкоязычную лексику в XIX веке и тюркские языки 700 лет назад. При этом он сохранил и обрел новое величие и своеобразие. Не стал он беднее ни от голландских швабры и шланга, ни от тюркских клобука и ярлыка, ни от английских дилеров и фьючерсов. В активном пользовании от исконного архетипического ряда остались вотчина, село, князь, дружина, гость, подарок, спасибо, пожалуйста и далее без числа.

Язык - продукт коллективного труда, во всех средах, направлениях, ипостасях. Он - неотъемлемая и составная часть культуры и русского языкового пространства. Последние 10 лет прошли под знаком радикального изменения официальной лексики. На мой взгляд, за счет "бульварной" составляющей одномерный, одноплоскостной язык советского официоза стал более многообразен, интересен, художественен и в каком-то смысле приспособился к действительности, стал ее адекватно отражать, демонстрируя высокую константность и способность к гомеостазу.

Есть и другая тенденция, важная для обсуждения, - закрепление в языке вообще, и в политической лексике в частности, большого числа терминов с размытым смыслом или вовсе бессмысленных, зачастую меняющих смысл определяемого существительного на противоположный. Примером тому стало широкое использование основополагающего политического прилагательного "социальный" (т.е. общественный), введенное в политический оборот О. Бисмарком. Ф. Рузвельт, рекомендуя его американским конгрессменам для использования, говорил: «Я дарю вам это словечко "социальный", употребляя которое к месту и не к месту, вы можете некоторое время считать себя умными людьми». Вопрос социальной защиты или справедливости под-разумевал, соответственно, группу людей, уполномоченных говорить от имени всех и осуществлять действия, направленные на общественное или "общее благо" и идентифицировать себя с Родиной, народом или партией.

Впрочем, при обсуждении "общего блага" всегда возникают сложности. Российское общество беспрецедентно сильно для зрелых культур дифференцировано по доходам и имуществу. Интересы различных групп порой диаметрально противоположны, потребности несравнимы, поэтому понятия "общественного интереса" или "общественного блага" в устах тех или иных представителей разных групп и партий подразумевают часто вещи очень разные. Наши же условные рефлексy в результате развития психической составляющей кодированы не с действиями, а со словами.

В итоге для демографически зрелых государств (примером тому Европа) простые социалистические лозунги социальной защиты зависимых групп населения оказываются ближе, проще, понятнее и предпочтительнее, чем рассуждения о свободе предпринимательства и шансе стать миллионером.

Коллизия усугубляется употреблением в ходе "круглого стола" понятия "гомеостаз" (система, функционирующая в режиме самоподдержания). Если употреблять этот термин по отношению к обществу, то условиям гомеостаза удовлетворяет последняя стадия процесса этногенеза, когда этнос (народ, нация), организованный по принципу мозаичной целостности, с численно стабильным населением, оседло проживает на территории с возможностью свободно скрещиваться. До этого, пока идет ускоренный рост численности населения, сопровождающийся усиленной конфронтацией, отделением себя от других этнических групп или их ассимиляции по принципу комплементарности (положительной, отрицательной, нейтральной) и борьбой на всех уровнях, *бытие определяет сознание*, а не наоборот. Примеров тому множество. Вот лишь один из них, связанный с избирательной кампанией по выборам в Государственную Думу 1995 года. Тогда по одномандатному списку Северо-Западного округа Москвы баллотировались 19 кандидатов, один из которых отличался тем, что демонстрировал избирателям фотографию, на которой он запечатлен рядом с патриархом Алексием II. По ста избирательным участкам он стабильно занимал 17-18-е место, получая менее 1% голосов, но на единственном участке шел первым с 67%. Этот участок был расположен в Краснопресненской пересыльной тюрьме. На втором же месте по количеству проголосовавших там (28%) оказался врач. Все это весьма показательно: когда людям очень плохо, они, прежде всего, молятся Богу и ждут помощи от врача.

Но это частность. В демократических обществах, которые уже достигли той степени благосостояния, когда можно позволить себе финансировать "права человека" (что, кстати, является самым дорогим удовольствием из всех возможных), *сознание как ценность определяет бытие*. Собственно, это и есть гомеостаз. Но до данной стадии (гомеостаза) российскому обществу надо еще дожить. Пока же мы более зависим от колебаний цен на нефть, чем от каких бы то ни было терминов и языковых систем. Как показывают события последних десятилетий, эта связь такова, что малейшие проблемы с нефтью на мировом рынке ведут к кризисным процессам в отечественной экономике и дестабилизации общества.

Реальное решение экономических задач команда Найшуля подменяет проблемой поиска общего языка. Причем речь идет об обществе, в котором, кроме 20% детей и пенсионеров, 30% госчиновников и бюджетников, 30% работников полуубыточных предприятий непонятной формы собственности, есть единственный "непотешный полк", умеющий выживать и приспособливаться, сопротивляться давлению в условиях большого числа обременения. Это работники частных предприятий и индивидуальные предприниматели, составляющие 15-17% общества и имеющие доход, не связанный с централизованными источниками финансирования. Между ними и государством существует определенный "договор по умолчанию": они избегают налогообложения как брошенные государством на произвол судьбы, но и от него ничего не требуют.

При сложившейся в стране административно-криминальной структуре экономики сегодня чиновник имеет в бизнесе больший вес, чем предприниматель. Криминальные группировки и сообщества, властвовавшие в рыночном секторе в 1989-1996 годах в качестве "боевого отряда" как на дрожжах растущего нового "аппарата партии", развивались значительно быстрее, нежели механизмы защиты рыночных структур и доходов. Однако затем они были ограничены, по различным основаниям выведены из активной деятельности, осуждены или взаимоликвидированы и в итоге уступили коммерциализированным исполнительным властям и силовым структурам. Причем оба этих типа паразитирующих на реальном бизнесе структур фактически обменялись языком и профессиональной культурой, продемонстрировали высокую способность к срастанию на почве незаконного извлечения прибыли. И если уж говорить об общественных архетипах, то традиционное отношение к власти у нас как минимум тройкое:

от "больше всех надо?" до "дайте жить, гады!" или "не было бы хуже". К слову, именно разобщенность народа и власти последние 100 лет служила амортизатором терминальных повреждений социоприродных этнических структур.

На Западе государства с рыночной экономикой строятся на увеличении пространства между собственностью и властью, в котором помещаются и права человека, и общество, и культура, и язык. У нас же власть и собственность по старой византийской схеме опираются друг на друга, сливаются, создают пространство, возможно, достаточное для личного обогащения, но явно ущербное для расширенного общественного воспроизводства - главного условия "общего блага". Общество у нас исторически дистанцировано от власти. Эту многовековую традицию, так же как и архетипическую отечественную склонность к неуплате налогов, Найшуль уклончиво характеризует как привычку, а не как архетип. Хотя в русской истории данная склонность сыграла ключевую роль уже в период становления Московской Руси, улуса Золотой Орды, когда И. Калита, получив великокняжеский ярлык на сбор налогов (ясака) с других русских княжеств для хана Узбека, часть собранных средств утаивал и тратил как на личное обогащение, так и на "общественные" нужды (укрепление Московского княжества).

Верно подмечено по поводу архетипа самопожертвования во имя общей идеи. Вспомним крылатые фразы типа "не щадя живота своего", "с нашим атаманом любую голову сложить", "четыре трупа возле танка дополнят утренний пейзаж", "жить будем, гулять будем, время придет - помирать будем" и т.д. Не понятно только, каким образом это поможет развитию рынка в России. Здесь следует вспомнить еще одну национальную особенность - архетипическое неприятие традиционного западного рационализма и прагматизма. Вспомним интонационный строй выражений "за копейку удавится", "куркуль", "кулак", "крохобор" и т.п. Слова "бизнесмен", "коммерсант", "предприниматель" в массах все еще воспринимаются как явно негативно окрашенные, а слово "частный" имеет уже необратимо испорченный имидж. Эти слова царапают и мою социалистическую душу с советским архетипом - составной и неотъемлемой частью русской культуры. Вот и уповай после этого на спонтанную самоорганизацию рыночных структур средствами лингвоэкономики!

Теперь кратко обсудим предлагаемые автором способы "прочистки мозгов". Г. Хазагеров уверен, что экономический кризис России может быть преодолен посредством создания так называемых букварей - политического, экономического и т.д. По сути, нам предлагают ненасильственно и корректно приучать людей к определенным терминам и понятиям. Эти укоренившиеся в мозгах миллионов "слова" повлекут за собой определенное изменение в умонастроениях, а затем и в поведении масс, в частности помогут нашим согражданам привыкнуть к рынку. Честно говоря, такие предложения пахивают первородными грехами марксизма или сектантства. Видимо, авторы архетипически чувствуют, что имеют дело не с неоднократно приводимой в статье триадой "Земля-Народ-Люди", а с людишками - полумеханическими программируемыми устройствами, пригодными для манипуляций. Если же создание "букварей" задумывается в чисто исследовательских целях, без прицела на последующую лингвистическую революцию, то подобные буквари - полезный и интересный труд. Здесь, кстати, вспоминается реальная судьба другого изобретения Найшуля - ваучера. Будучи изначально романтически-справедливой идеей наделяния собственностью всех членов постсоциалистических сообществ, в столкновении с реальной жизнью она обрела столь дикие очертания, что сегодня о ней никто добрым словом не вспоминает. Причем печальная судьба подстерегла этот проект не только у нас, но и в Чехии и Словакии, так что реальность - одно, а академические упражнения - другое.

Вообще же в том, что касается языка, на мой взгляд, одной из главных причин наших экономических и идеологических бед стала невозможность адекватного разговора на одном языке из-за путаницы понятий, а иногда и просто их подмены. Причем нередко создается впечатление, что терминологическая путаница поддержи-

вается политиками как способ увеличения зоны некомпетентности и свободы маневрирования. Взять хотя бы соответствие названий партий их действиям и программам. Так что, думаю, реальной проблемой, действительно стоящей перед нами, было бы уточнение существующей в нашей повседневности терминологии, а не конструирование рядом с ней новых "букварей". Причем проблема эта весьма сложна. Скажем, в такой узкой по сравнению с обсуждаемыми нами проблемами, как урология, среди специалистов более двух лет шла дискуссия об уточнении диагноза "пиелонефрит" и о том, что следует понимать под этим термином. Что же говорить о сотнях новых для нашего общества дефиниций и стоящих за ними жизненных реалий.

Кратко о конкретных архетипах, возрождение которых поможет нам, по мнению участников "круглого стола", выползти, наконец, из многовекового интеллектуального "раздрая". Главной формой-идеей, которую следует возродить, признается Собор. Здесь интересно уточнить, что именно имеется в виду, даже принимая отказ от принципа историчности. Если речь идет о новом Вселенском Соборе, то эта форма решения вопросов в теократическом феодальном обществе с элементами рабовладения (холопством) утрачена уже почти 1000 лет назад. (Седьмой Никейский Собор - последний Вселенский собор, признанный православной церковью, созывался в 787 году - еще в доолеговские времена.) Всего же православная церковь признает 7 соборов, римско-католическая - более 20, а лютеране - ни одного. Это дает возможность судить о влиянии данной формы выражения общественной воли еще в период становления Киевской Руси. Если же речь идет не о Вселенских, а о земских и поместных соборах "местного значения", то эта форма у нас встречается повсюду, начиная от пленумов ЦК и далее со всеми остановками... Сколько лишь за последние годы собиралось самых разных съездов экологов, промышленников, "товаропроизводителей" и т.д., и т.п. Хотя это и не народ (толпа), а люди (группы), известно, что чем больше участников таких сходов, тем труднее похвастаться результатами. Дело в том, что поведение людей, собранных в одном месте, определяется не этническими или культурными нормами, а законами поведения больших и малых социальных групп. Как писал В. Бехтерев, 20 академиком ведут себя в толпе не лучше, чем 20 водовозов. Максимум, что можно получить от толпы, - ответ на вопрос типа "да - нет". Да и то никто не доказал, что таким путем будет получено оптимальное решение (ведь толпа управляема, склонна поддаваться нехитрым манипуляциям и совершенно не способна к каким-либо созидательным действиям независимо от своего состава).

Что касается "двадцати одной скрижали" царской власти, то совершенно не понятно, кому они адресованы и зачем сегодня нужны. Если под объектом этих фраз-инструкций авторы подразумевают В. Путина, то стоит им напомнить, что доселе президент России считал себя не монархом, а, скорее, "кризисмейкером", уполномоченным на эффективное управление в отведенный срок народом как единственным источником власти, причем с нормативным для должности уровнем самоконтроля, ответственности и самокритичности.

Если же говорить об актуальности данной работы, то на сегодняшний день гораздо уместнее выписать, например, 10 правил ведения кавказских войн и любых горных войн от Кандагара до Балкан, гласящих, что модель, альтернативная "восточной дипломатии" спецслужб, введения и дислокации войск на территории проживания "горных" народов в отличие от "равнинных" архетипически, если хотите, провальна. независимо от географии конфликта или войны, а в нынешних условиях не только питает среду для всех форм паразитирования, но и бесплатно обеспечивает описание подвигов и пропаганду идей. Зато работает модель "банки для паука", защиты населения национальным ресурсом, ввиду характерного для горных народов и непреодолимого нежелания подчиняться любой власти, особенно собственной, а также крайнего индивидуализма, лежащего в основе внутри- и межкланового регулирования и сдерживания, постоянного поиска виновного и ссылке на "некие силы", которым это выгодно. Соответственно, нецелесообразно вступление в любые переговоры без выполнения ряда обязательных предварительных условий ввиду различного отношения

сторон к задачам переговорного процесса просто из-за отсутствия механизма реализации обещаний вне условий межкланового согласия. Время конфликтов здесь исчисляется поколениями, а "козленок никогда не уходит далеко от воды" (кавказская пословица); деньги, обеспечение - не главное, а самое главное. Эта тема, кстати, много более актуальна для XXI века, чем "скрижали Царя".

В тоске по сословиям и царским временам авторы склонны забывать о сегодняшних насущных проблемах. Архетипы, к которым они апеллируют, утеряны несколько поколений назад и возродить их не так просто. Гораздо актуальнее сегодня внедрение в реальную жизнь законов и понятий, на которых строятся технологически развитые, современные европейские общества и международное законодательство. Фундаментом здесь являются собственно права человека: заметим, что это понятие не прослеживается ни в одной из предложенных авторами схем. Отодвигая людей от собственности, благополучия, уверенности в завтрашнем дне, гарантии пожизненного дохода, здравоохранения и образования, мы пытаемся запудрить им мозги новыми терминами и старыми забытыми традициями, не гарантируя при этом безопасности, т.е. ставя под сомнение основное требование населения к власти. Результат же получается как в рассказанном некогда З. Фрейдом и пересказанном дедом Шукарем анекдоте про лошадь, которую хозяин хотел приучить обходиться без еды. Она было привыкла, а потом — сами знаете... Европейский ад, как известно, лучше азиатского рая почвенного типа. Даже в соборных одеждах.

© А. Акопян, 2001